

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-25
EDN: CSKNVA

Голгофские мотивы в русском неореализме

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. В работе проведён анализ мотивов прозы русского неореализма (рубеж конца XIX – начала XX столетий). Акценты сделаны на мотивах голгофских, что бывает нечасто; они рассмотрены как существенная, но неизученная составляющая русской литературы, культуры означенного периода, характеризующегося стойким тяготением писателей, поэтов, художников к разным сферам мудрости и знания, к числу которых принадлежат библейские канонические и апокрифические тексты. Творческий поиск, художественные типологические переключки в русской прозе анализируются, прежде всего, со стороны мотивов, архетипов, предметного мира и его функций в тексте. Художественные детали мифопоэтического происхождения, будучи смысло- и сюжетообразующими, могут иметь аллегорическое, символическое значение, бытовые детали получать бытийные коннотации. Материал статьи интерпретируется в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах; представлены результаты исследования.

В центре внимания автора статьи находятся произведения М. Горького, М. Пришвина, Л. Н. Андреева, а из голгофских мотивов выделены мотивы подъёма-восхождения, приближения к смерти и преодоления её с возможным последующим возрождением. Детализация этих мотивов в произведениях литературы дополняет, корректирует сложившиеся научные представления о концепциях личности, человека и мира в неореализме. Поставленная проблема – изучение художественной типологии в неореализме – объясняет охват общей темой указанных творческих индивидуальностей. В работе решались задачи: дополнить представления о функциональной стороне мотивов, архетипов, детально-предметного мира в текстах словесного искусства, определить их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки, установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов.

Решение задач осуществлялось через изучение творческих связей, переключек, параллелей. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений. Особый интерес имеют сопоставления творческих индивидуальностей, анализ символики, поэтики.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Получено новое знание о мотивах, архетипах, элементах предметного мира в структуре художественных текстов, установлена художественная типология между ними. Обновлена методика исследования и намечены перспективы.

Использованные подходы к материалу обусловили новизну трактовок наследия писателей, интерпретаций произведений литературы; даны новые оценки известным произведениям, уточнены авторские позиции писателей. Сделаны наблюдения в области изучения эстетики и поэтики прозы. Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XIX–XX веков.

Ключевые слова: русский неореализм; апокрифические, новозаветные аллюзии в искусстве слова; Голгофа, библейские мотивы, архетипы в литературе; М. Горький, М. Пришвин, Л. Н. Андреев; художественная деталь и её функции; осмысление произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Голгофские мотивы в русском неореализме // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 25–33. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-25>. <https://elibrary.ru/CSKNVA>

Original article

Golgotha motifs in russian neorealism

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The paper analyzes the motifs of the Russian neorealistic prose (late XIX – early XX centuries). The emphasis is placed on the motifs of Golgotha, which does not often happen; they are considered as an essential yet little-studied part of Russian literature and culture of the period characterized by the strong tendency of writers, poets, and artists towards various spheres of wisdom and knowledge, which include biblical canonical and apocryphal texts. Creative search and artistic typological parallels in Russian prose are analyzed, primarily, from the point of view of motifs, archetypes, the material world and its functions in the text. Artistic details of mythopoetic origin, being semantic and plot-forming, can have allegorical, symbolic meaning; everyday details receive existential connotations. The article interprets the material in eventive-biographical, historical and literary aspects and presents the results of the research.

The author of the article focuses on the works of M. Gorky, M. Prishvin, L. N. Andreev, and the Golgotha motifs of rising and ascending, approaching death and overcoming it followed by subsequent rebirth. The detailing of these motifs in literary works complements, and corrects the established scientific ideas about the concepts of personality, man and the world in neorealism. The study of artistic typology in neorealism explains the general theme of the above mentioned artists. The paper has solved the following tasks: to complete the ideas about the functional side of motifs, archetypes, the material world in literary texts; to determine their biographical, historical and theoretical literary origins; to establish artistic typology in different writers' creative work. The tasks have been solved through studying creative connections, cross-references and parallels. The author presents his original findings and draws a number of conclusions, paying particular attention to comparisons of creative personalities and the analysis of symbolism and poetics.

The most significant results of the work are as follows: the new knowledge of motifs, archetypes, and elements of the material world in the literary text structure, and the typology between them; the updated research methodology and the outlined prospects for further research.

The author's approaches to the material determine the novel interpretations of the writers' heritage. The article presents new assessments of the well-known works, clarifies the writers' authorial positions, and makes observations in the field of studying the aesthetics and poetics of prose. The work is aimed at philologists, literary critics and researchers of Russian literature and culture of the XIX–XX centuries.

Key words: Russian neorealism; apocryphal, New Testament allusions in literature; Golgotha, biblical motifs, archetypes in literature; M. Gorky, M. Prishvin, L. N. Andreev; artistic detail and its functions; comprehension of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Golgotha motifs in Russian neorealism. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(2):25–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-25>. <https://elibrary.ru/CSKNVA>

Введение

Постановка вопроса. Актуальность. Русскую художественную литературу конца XIX – начала XX столетий принято характеризовать как неореализм; однако данное определение распространяется не только на искусство слова, но и шире – искусство, культуру в целом. Неореализм не повторяет реализм классический XIX века и его в целом понятной, читаемой эстетики, но, скорее, обогащает творческие поиски разного рода тенденциями: новый тип героя, усложнение повествования, расширение диапазона средств выразительности, приёмов. Поэтому представители литературы, культуры актуализировали многие сферы мудрости, знания, в числе которых были мифология, библейские канонические и апокрифические тексты. Означенная тенденция основывалась, прежде всего, на стремлении по-новому представить концепцию личности, человека и мира. А. М. Ремизов, М. Горький, М. М. Пришвин, Л. Н. Андреев, С. Н. Сергеев-Ценский обращались, каждый по-своему, к неисчерпаемому потенциалу апокрифов, Библии, других священных текстов, проецируя их архетипы, мотивы и смыс-

лы на современные им реалии, нравственные, философские проблемы. Увидеть общее в отдалённых произведениях разных авторов, эпох, стилей, направлений позволяют мотивный анализ произведений искусства, контекстный подход к ним – сложные, но и продуктивные методы работы. Голгофа – один из центральных концептов Нового Завета, земного подвига Христа, и он, конечно, интересовал названных здесь писателей. Потому представляется актуальным обозначить, наметить пути изучения возможных переключек, связей, проекций. С другой стороны, избранное направление анализа, интерпретации должно прояснить художественную типологию неореализма, что уже само по себе становится существенным научным результатом такого жанра, как научная статья.

Научная литература по теме. Исследование построено на материале, преимущественно, произведений М. Горького, М. Пришвина Л. Н. Андреева. Место голгофских апокрифических мотивов в художественном мире этих писателей не было темой специального исследования ни в отечественном литературоведении, ни в зарубежном [Lauer Reinhard; Иванов, 2022]. Имеются отдельные историко-литературные, теоретико-

литературные публикации как методологическое, так и частного характера о каждом из авторов [Иванов, 2019; 2022], но на протяжении идеологизированных десятилетий тема для литературоведения была закрыта. Параллели между сочинениями писателей XIX и XX столетий, как это предполагает контекст поставленной здесь проблемы, не установлены [История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1, 2014; История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1, 2012; Lauer Reinhard]. Издательства «ГИХЛ» и Наука ИМЛИ выпустили четырнадцать томов Архива А. М. Горького, куда включены курс лекций по литературе, прочитанный писателем на Капри в 1903 году. Составлялись, публиковались словари автобиографической трилогии М. Горького [Словарь автобиографической трилогии..., 1975; Словарь автобиографической трилогии..., 1990]. Имеются издания томов Литературного наследства, один из которых посвящён отношениям Максима Горького и Леонида Андреева [Литературное наследство..., 1965]. Предметом нашего научного изучения были материалы из фондов Архива М. Горького в ИМЛИ им. А. М. Горького, Литературного музея ИМЛИ, Музея-квартиры писателя в Москве, Литературного музея в Нижнем Новгороде, нижегородского Дома-музея М. Горького.

Для формирования объективных научных представлений о творчестве М. Пришвина его письма, дневники, записные книжки важны не менее, чем художественные произведения. Они опубликованы в 70-м томе Литературного наследства [Литературное наследство..., 1963], журналах Книжное обозрение [Книжное обозрение..., 1973], «Русская литература» [Русская литература..., 1973], «Новый мир» [Новый мир..., 1964], Ученых записках МОПИ им. Н. К. Крупской, в книге «Мастерская» [Мастерская..., 1976], журнале «Смена», газетах «Литературная Россия», «Неделя», альманахе «Енисей» (Красноярск), газете «Красное знамя» (Елец), других изданиях. Наследие Л. Н. Андреева изучено подробно [Мирский, 1992].

Цель работы – характеристика, изучение художественной типологии неореализма через описание системы апокрифических, библейских мотивов, архетипов, прежде всего тех, которые обозначены здесь как голгофские.

Задачи работы: в произведениях указанных писателей выявить, описать голгофские мотивы, архетипы и соотнесённые с ними компоненты детально-предметного мира; дополнить представле-

ния о их функциональной стороне; определить их биографические, историко-литературные, теоретико-литературные истоки; установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стало наследие писателей в разных его ипостасях: художественные произведения, варианты, дневники, публицистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Основные методы исследования: метатекстуальный, мотивного анализа, структурно-семантический, семиотический; культурологический подход к тексту; были востребованы также историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический.

Описание проведённого анализа.

В работе говорится, как выявлялись голгофские мотивы, архетипы в прозе русского неореализма и как по этой линии устанавливалась художественная типология. Сама по себе нерасторжимая связь человека, Неба и Земли давала возможность рассмотреть её со стороны высших духовных устремлений, религиозных воззрений народа, соотнести их во времени. Так возникла разная трактовка ценностей язычества и христианства. Это позволило, как кажется, обнаружить ведущую черту художественного творчества начала века. Апелляция к духовным процессам прошлого обогатила философско-эстетические искания в литературе. Детализация голгофских мотивов в неореализме существенно раздвинула, дополняла художественные версии, концепций личности, человека и бытия. В неореализме апокрифическая традиция голгофских мотивов стала более востребованной и не менее продуктивной, чем каноническая новозаветная [Иванов, 2022]. Это мотивы-варианты подъёма-восхождения, поднятия креста, приближения к смерти и преодоления её с возможным последующим возрождением и преображением. Уловленное М. Горьким общее состояние «хаоса духовного» и «смятения мысли» подтверждают суждения большинства его современников; оно выражено в стихах и статьях А. Блока, А. Белого, публицистике Р. Иванова-Разумника, ещё ранее – критической прозе Д. Мережковского, многих других.

М. Пришвин. Анзерская Голгофа

Первые книги М. Пришвина «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком» были опубликованы в 1907, 1908 годах. Они стали результатом поездки писателя и его друга этнографа Н. Ончукова в Олонецкую губернию и далее – на Крайний Север России и Норвегии. По сути, эти книги путевых очерков, этнографических наблюдений задумывались в рамках сотрудничества, вплоть до отчёта, с Русским Географическим обществом, куда Пришвин и вступил в 1910 году. В этих книгах движение стало способом духовного самопознания, а в этнографию, путешествия вплетены мотивы лирико-философские и мифопоэтические.

На Севере повествователь, европеец и петербуржец, что он неоднократно подчёркивал, заглянул в глубины национального Бытия. Следуя давнему завету А. Ремизова [Пришвин, Письмо А. М. Ремизову...], Пришвин постигал народную культуру изнутри; культуру, традиционно находившуюся в оппозиции к рафинированной, европейски ориентированной культуре интеллигенции [Иванов, 2020]. Пришвин зримо ощутил противоречие интеллигентского, западного, и русского, идущего от природы, от Земли, национального менталитета. На Севере он открыл мир, о котором «культурный человек стонет и плачет» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 257].

Пришвин входил в «далекие пространства жизни» [Пришвин и современность..., 1978], что соответствовало его духовным запросам, мифу о золотом веке. Он давно мечтал посетить легендарный скит на острове Анзерский Соловецкого архипелага и подняться на вершину горы, названной монахами Голгофа. Голгофа – Череп, горная возвышенность на северо-западе от Иерусалима, на которой был распят Господь. Голгофа обстроена священными зданиями в ознаменование священных мест и событий – распятия, крестных страданий, погребения и воскресения Спасителя. Название дано сему священному месту, вероятно, по сходству означенной местности с формой черепа. По преданию церкви, здесь погребён Адам. Ужасные знамения сопровождают смерть Богочеловека: тьма по всей земле, солнце померкло. Земля содрогается, тела многих усопших святых воскресают. На эти величайшие минуты унижения и торжества, позора и славы человечество во все века будет взирать с глубоким трепетом и благоговением и всегда будет видеть в них искупление от греха, поражение сатаны, примирение с Богом и спасение мира [Биб-

лейская энциклопедия, 1990, с. 167]. Это событие является ключевым не только двух первых книг, но и всей ранней прозы Пришвина. Голгофский крест – сакральным центром широкого контекста ранних сочинений писателя, куда вошли параллели с Библией, апокрифами, мотивы сна и прапамяти, бегство в сказку, оппозиции культуры и природы, физического и духовного мира. Мистический подъём на вершину горы сопровождается озарения повествователя: там, у Голгофского креста, он думал о первозданном человеке и его душе. Тема человека дополнена и усилена архетипом Адама. «Адам второй» – Христос. Первый Адам оттенён вторым – Христом. А между ними путь эволюции человека. На такую высоту человек первых книг Пришвина еще не поднялся. «Странники уехали, а я один стал подниматься на Голгофу <...> Я размышлял о примитивной, стихийной душе, какою она выходит из рук Бога» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 234]. Только одна Личность, одно Событие, одно воспоминание о Голгофе может быть мерилом человека. Библейский образный ряд, евангельские мотивы Пришвин дополнил идеей Божьего замысла: гармония вечной Матери-природы и человеческой личности [Пришвин, 2012]. «Полуночный огонек глядит на нас с монахом, а мы стоим наверху высокой горы, и от нас вниз сбегают ели, сверкают озёра и море <...> Самим Богом предназначено это место для спасения души, потому что в этой природе, в этой светлости нет греха» [Пришвин, 1982–1986, т. 1, с. 239].

Горьковские типы

Мотивы, архетипы апокрифов, народного православия влияли и на горьковскую концепцию национального характера [Максим Горький – художник, 2002; Мировое значение М. Горького, 2018]. Её концептуальные положения развёрнуты в статьях, письмах, детализированы в художественных произведениях; она воплотила сложные, противоречивые представления Горького о национальности характера русского народа и его истории [Переписка М. Горького..., 1986]. М. Горький полагал, что национальную жизнь определяют деятельная творческая активность человека в трудные минуты и вера в судьбу, пассивизм; арийская славянская и восточная монгольская стороны ментальности русских людей [Максим Горький и мировая культура, 2023].

Голгофский мотив в числе других просматривается во многих сочинениях Горького: рассказы

цикла «По Руси», повести 1900-х – 1910-х годов: Автобиографическая трилогия, Окуровская диалогия, «Жизнь ненужного человека». Голгофские мотивы, архетип развивают авторскую концепцию возможностей так называемого среднего человека, чуда преображения личности: сравнимые с былинными творчество и подвиг, самоотверженность, красота порывов, но и разбросанность, склонность к пустому растрачиванию сил, разрушительные выплески духовной энергии [Спиридонова, Горьковедение...; Спиридонова, 2016].

Сказочного персонажа напоминает Алексею Пешкову Иван Цыганок из первой части автобиографической трилогии повести «Детство»; написана в 1913-м году, опубликована через год. Цыганок в плане частотности встречается нечасто [Словарь автобиографической трилогии, 1975; Словарь автобиографической трилогии, 1990], он действует в главах второй и третьей, а всего их тринадцать, но персонаж – не эпизодический. Образ Цыганка важен принципиально, его можно рассматривать как один из многих вариантов уже называвшейся авторской концепции русского национального характера: сила, удаля, талант, перспективы, но, с другой стороны, удаля – безудержная, сила, талант тратится впустую или на дурные дела; и конечно, игра с судьбой.

Создающие образ Цыганка художественные детали подчёркивают его типичность в контексте горьковских интерпретаций русской судьбы и национального характера. Имя Иван отсылает ко всем русским, прозвище Цыганок не привязывает к какому-либо конкретному роду или дому. Проматривается также и часто встречающийся в сочинениях Горького мотив бродяжества. Бабушка раскрыла Алексею историю появления Цыганка. Он – подкидыш; «раннею весной, в дождливую ночь, его нашли у ворот на лавке» [Горький, 1984, с. 33]. Упоминание весны является аллегорией начала жизни; и если появился Иван весной, то умрёт он в субботу в начале зимы. Василий Каширин, дед Алексея Пешкова, характеризует двенадцатилетнего Ивана: «Золотые руки у Иванка <...> Помяните моё слово: не мал человек растёт!» [Горький, 1984, с. 32]. Горький, развивая концепцию национального характера, русской судьбы, последовательно вписывает образ Ивана в фольклорно-мифопоэтическую традицию. «Я смотрел на его весёлое лицо и вспоминал бабушкины сказки про Ивана-царевича, про Иванушку-дурачка» [Горький, 1984, с. 31].

Цыганок – личность творческая. Он способен создавать и быть в центре «неописуемо забавной жизни» [Горький, 1984, с. 33]; его выдумки неистощимы, импровизация в плясках неповторима, плясал он «неутомимо, самозабвенно» [Горький, 1984, с. 36]. Проявился талант Цыганка и в других направлениях. Бабушка раскрыла Алексею, что Цыганок «не столько покупает на базаре, сколько ворует» [Горький, 1984, с. 41]. А на предупреждения, что за воровство его забьют до смерти, если поймают, отвечает: «Не достигнут, – вывернусь: я ловкий, конь резвый! <...> Ведь я знаю: воровать нехорошо и опасно. Это я так себе, от скуки» [Горький, 1984, с. 42].

Символичное, подробное и предельно реалистичное, с дозированным вкраплением натуралистических деталей, изображение гибели, смерти Цыганка сопрягает голгофские мотивы и те национальные черты, которые этот персонаж воплотил. Алексею памятен лежавший на дворе большой дубовый крест с толстым комлем. Такие акценты в описании креста отсылают читателя к архетипу мифологического мирового древа в двух его ипостасях: познания добра и зла, познания жизни и смерти. Недолгая жизнь Ивана предельно чётко накладывается на означенный символизм. Крест, купленный дядей Яковом, чтобы поставить на могиле жены в годовщину её смерти, «на тесном, грязном дворе» [Горький, 1984, с. 42] был лишним. Под этим крестом и умер Иван, но не сразу. И если появился Иван весной, то умер он в субботу в начале зимы: крест понесли в гору на кладбище сам Иван и дядя Алексея, так они фигурируют в трилогии. Тяжёлый, видно не по силам, комель лежал на плече Ивана. На вопрос мастера Григория: «Не сдюжишь?» [Горький, 1984, с. 43], Цыганок ответил: «Не знаю. Тяжело будто...» [Горький, 1984, с. 43]. По версии дяди Якова, Цыганок споткнулся, упал, его и придавило. По версии мастера Григория, дядя его «задавили» [Горький, 1984, с. 43]. Он лежал на ярко освещённом солнцем полу кухни, а «ручьи крови пересекали полосы света <...> кровь всё текла, под порогом она уже собралась в лужу» [Горький, 1984, с. 44]. Цыганок мычал и таял, «становился всё более плоским, приклеиваясь к полу, уходя в него <...> Цыганка похоронили незаметно, непамятно» [Горький, 1984, с. 45]. В статьях, публицистике Горький настойчиво обращался к фольклору, древнерусской литературе, в частности, былинам с целью иллюстрации, подтверждения русских национальных черт, о которых уже говори-

лось: неразумная трата сил, талантливость и разбросанность, вера в судьбу. Искал соответствующие типы [А. М. Горький нижегородских лет..., 1978; Горький, Неизданная переписка..., 2000; Максим Горький – художник..., 2002]. Иван Цыганок, подобно былинному Василию Буслаеву, играл с судьбой, и, как и Буслаев, переоценил свои силы. Буслаев, обладая огромной силой, бросил вызов смерти: прыгая через намогильный камень, разбил голову. Иван поднял не по его силам крест. И в первом, и во втором случаях отчётливо проступает мифопоэтический мотив нарушения запрета. Сказочный персонаж в процессе восхождения надорвался и умер под крестом, не выдержав его тяжести.

История Цыганка типологически вписывается в систему сюжетов Горького о других несчастных русских людях [Иванов, 2019]. Таковы многие рассказы из цикла «По Руси», например, «В ущелье». Перед глазами повествователя стоят десятки «бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей» [Горький, 1987, т. 4, с. 446]. Люди исчезают «по случаю», «народ пропадает» [Горький, 1987, т. 4, с. 478], людей убивает по случаю. «В ущелье» мистическая стихия обнаружилась в незначительном, сюжетно локальном разговоре двух лиц о жизни и смерти. «Всех – не сосчитать, которые вот так – по случаю – пропадают» [Горький, 1987, т. 4, с. 488]. Убитого звали Василий Силантьев; он молод и полон сил для великих дел. Благодаря архетипу имени установлена параллель с былинным Василием Буслаевым. Смерть Цыганка под крестом созвучна смерти Силантьева через портретные детали: искажённое лицо, кровь... В обоих случаях красота живого человека изуродована маской смерти.

Голгофские мотивы в широком контекстуальном поле просматриваются и в Окуровской дилогии М. Горького: повести «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», создававшейся, как и автобиографическая трилогия, как и рассказы «По Руси», в течение 1910-х годов. Матвей Кожемякин подводит итог земного пути. «Он чувствует себя одиноко стоящим в пустоте, у подножия высокой горы; с её вершины, покрытой тёмной тучей, он тихо и безвольно скатился сюда – вот пред ним весь этот путь, – он мысленно прошёл его десятки раз» [Горький, 1987, т. 3, с. 174]. Вершина и подножие горы – мифологический символ земного отрезка личностного бытия. Кожемякин – нисходил; начиная жизнь на вершине, он заканчивает её у подножия горы. Мифологема

Мировой Горы охватывает горы Синай, Фавор, Елеонскую, Голгофу и другие. На вершине мифологическим, библейским, фольклорным персонажам являются высшие силы. В детстве, когда на вершине горы не было тучи, Матвей прикасался к этой высоте и незримой силе, чувствовал её благостное влияние. Начало повести «Городок Окуров»: волнистая равнина, намогильный крест – продолжено в частной судьбе Кожемякина. И подобные связи пронизывают едва ли не все сочинения М. Горького 1900–1910-х годов. Тем не менее, автор концентрирует не одни безрадостные эмоции.

Иуда Искариот

В 1907 году в шестнадцатом сборнике книгоиздательства «Знание», издание, основанное по инициативе и непосредственном участии М. Горького, была опубликована повесть Леонида Андреева «Иуда Искариот». Андреев задумывал её как «нечто по психологии, этике и практике предательства» [Андреев, 1988, с. 332]. Это одно из самых талантливых и противоречивых произведений Андреева. Повесть высоко оценили и одобрили М. Горький, А. Блок; так называемая прогрессивная критика, например, А. Луначарский, была «недовольна» [Андреев, 1988, с. 332]. Прежде всего потому, будто бы Андреев пытается возбудить симпатию к Иуде и антипатию к человечеству. В этой повести Андреева Иисус жалуется на усталость. Путь Иисуса и учеников – это движение в одном направлении: в сторону Голгофы. Лейтмотивом повести – грядущее предательство Иисуса Иудой – развивается на фоне внутренних противоречий внутри учеников, между учениками и Иудой, между учениками, Иисусом и человечеством. В аллегорическом состязании Иуды и Петра Иисус отказывается поддерживать кого-то одного, более того, проигравшему состязание в бросании камней и обиженному Петру Иисус тихо отвечает: «А кто поможет Искариоту?» [Андреев, 1988, с. 224]. Андреев не оправдывает Иуду, не пробуждает к нему симпатии; насколько великодушен Иисус, настолько низок Иуда, но ещё ниже в предшествующей голгофской трагедии народ, предавший Иисуса. «На самом темени земли вздымается крест – и на нём распятый Иисус. Осуществился ужас и мечты Искариота» [Андреев, 1988, с. 256]. Но что же мешает всей массе людей вырвать из земли «проклятый крест» и освободить Иисуса? Иисус умирает, медленно, постепенно. Горьковский Цыганок

умирал медленно. Приближение к смерти и сама смерть – состоялись, но возрождение – нет.

Выводы

Полученные в работе результаты заключаются в дополнении научных представлений о прозе русского неореализма. Выделены и описаны, пожалуй, впервые голгофские мотивы и архетипы в произведениях М. Горького, М. М. Пришвина, Л. Н. Андреева. На первый взгляд, связи, переключки по означенным линиям научного поиска между произведениями этих авторов, каждый из которых является выдающейся и неповторимой творческой индивидуальностью, покажутся надуманными. Но связи могут быть глубинными и обнаруживаться как проявление индивидуальной авторской психологии, литературной традиции, и такое исследование нами проводилось. Голгофские мотивы были классифицированы как внетекстовые универсалии, ставшие опытом литературной рефлексии и саморефлексии, авторским мифотворчеством.

Горький, Пришвин, Андреев архетип Голгофы и продуцированные ею мотивы подъёма-восхождения, приближения к смерти и преодоления её, возрождения проецировали на концепции личности, человека и мира, национального характера. В произведениях Пришвина акценты сделаны на соотнесённости первоизданной души, «какою она выходит из рук Бога», библейском архетипе Адама и великих первоприродных истоков Бытия, духовного и телесного начал. Горький подъём на Голгофу, не называя, но подразумевая её, соотнёс с духовным богатством, великими возможностями и разбросанностью русского человека. Андреев увидел в голгофском испытании проверку всего человечества на верность идеалам Христа.

Подобная соотнесённость содействовала, во-первых, тому или иному представлению о состоянии и движении современной писателям жизни, то есть прояснению её сущности. Во-вторых, формированию авторского эстетического идеала в сопоставлениях прошлого и настоящего. Наконец, у тех же истоков складывался особый, ассоциативный, открыто или средствами подтекста запечатленный строй авторских раздумий, немало обусловивших поэтику произведений Горького, Пришвина, Андреева.

Библиографический список

1. А. М. Горький нижегородских лет : Воспоминания : сборник / сост. А. И. Елисеев; подгот. текстов и

коммент. Р. Г. Бейслехем и др. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. 335 с.

2. Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Избранное. Москва : Советская Россия, 1988. 336 с.

3. Архив А. М. Горького. Т. III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе. Москва : Гослитиздат, 1951. 297 с.

4. Архив А. М. Горького. Т. XIV. М. Горький. Неизданная переписка. Москва : Наука, 1976. 532 с.

5. Голгофа // Библейская энциклопедия / репринт издания Библейская энциклопедия. Москва : Терра, 1990. 904 с.

6. Горький М. Детство; В людях; Мои университеты : пьесы. Москва : Художественная литература, 1984. 700 с.

7. Горький М. Неизданная переписка. Москва : Наследие, 2000 (ИМЛИ). 342 с.

8. Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987.

9. Иванов Н. Н. М. Горький – путешественник и философ: мифопоэтическая парадигма художественного мира: монография / Н. Н. Иванов, отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 107 с.

10. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : научная монография / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.

11. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : научная монография / отв. ред. Н. Н. Иванов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.

12. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1. Москва : ВЛАДОС, 2014. 496 с.

13. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 1. Москва : Студент, 2012. 423 с.

14. Литературное наследство. Горький и Андреев. Москва : Изд-во АН СССР, 1965. 630 с.

15. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.

16. Максим Горький и мировая культура: сборник научных статей / под ред. Л. А. Спиридоновой. Москва : ИМЛИ РАН, 2023. 720 с.

17. Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения: Горьковские чтения – 2000: Материалы международной конференции / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН и др. Нижний Новгород : РИО ННГУ, 2002.

18. Новый мир. 1964, № 10.

19. Русская литература. 1973, № 2.

20. Мастерская. Уроки литературного мастерства. Вып. 2. Москва : Б. и., 1976. 160 с.

21. Мирский Д. С. Леонид Андреев // ФЭБ. 1992.

22. Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя // Институт мировой литера-

туры им. А. М. Горького РАН. Москва. 28–30 марта 2018 г. Горьковские Чтения, ИМЛИ, 2018.

23. Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986.

24. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 354 с.

25. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 880 с.

26. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп.1.ед. хр.175. л. 11,12.

27. Пришвин М. М. Собрание сочинений [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982–1986.

28. Словарь автобиографической трилогии М. Горького : [в 6 выпусках]. С прил. словаря имен собственных: (Личные имена, геогр. названия и загл. литературных произведений) / сост. проф. А. В. Федоров, доц. О. И. Фоянкова. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 103 с.

29. Словарь автобиографической трилогии М. Горького / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Межкафедр. словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. Вып. 6, т. 2 : Сборный – Ящик. Ленинград : ЛГУ, 1990. 344 с.

30. Спиридонова Л. А. Горьковедение на рубеже веков. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>.

31. Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе развития // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. Научная жизнь. С. 419–433.

32. Lauer Reinhard. Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

Reference list

1. А. М. Гор'кij nizhegorodskih let : Vospominanija = A. M. Gorky of Nizhny Novgorod years : Memories : sbornik / sost. A. I. Eliseev; podgot. tekstov i komment. R. G. Bejslehem i dr. Gor'kij : Volgo-Vjat. kn. izd-vo, 1978. 335 s.

2. Andreev L. N. Iuda Iskariot = Judas Iscariot // *Izbrannoe*. Moskva: Sovetskaja Rossija, 1988. 336 s.

3. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. III. Povesti, vospominanija, publicistika, stat'i o literature.= A. M. Gorky's archive. V. III. Stories, memoirs, journalism, articles on literature. Moskva : Goslitizdat, 1951. 297 s.

4. Arhiv A. M. Gor'kogo. T. XIV. M. Gor'kij. Neizdannaja perepiska = A. M. Gorky's archive. V. XIV. M. Gorky. Unpublished letters. Moskva : Nauka, 1976. 532 s.

5. Golgofa = Golgotha // *Biblejskaja jenciklopedija* / reprint izdanija Biblejskaja jenciklopedija. Moskva : Terra, 1990. 904 s.

6. Gor'kij M. Detstvo; V ljudjah; Moi universitety = Childhood; In the World; My Universities : p'esy. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1984. 700 s.

7. Gor'kij M. Neizdannaja perepiska = Unpublished letters. Moskva : Nasledie, 2000 (IMLI). 342 s.

8. Gor'kij M. Sbranie sochinenij : [v 12 tomah] = Collection of works: [in 12 volumes]. Moskva : Sovremennik, 1987.

9. Ivanov N. N. M. Gor'kij – puteshestvennik i filosof: mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennogo mira = M. Gorky – a traveler and a philosopher: the mythopoetic paradigm of the artistic world : monografija / N. N. Ivanov, otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2019. 107 s.

10. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kultury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealism prose : nauchnaja monografija / otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.

11. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorcestva Mihaila Prishvina = Philosophy, aesthetics and poetics of Mikhail Prishvin's work : nauchnaja monografija / otv. red. N. N. Ivanov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

12. Istorija russkoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1 = History of the XX century Russian literature: In 4 books. Book 1. Moskva : VLADOS, 2014. 496 s.

13. Istorija russkoj literatury XX veka: V 4-h kn. Kn. 1 = History of the XX century Russian literature: In 4 books. Book 1. Moskva : Student, 2012. 423 s.

14. Literaturnoe nasledstvo. Gor'kij i Andreev = Literary legacy. Gorky and Andreev. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1965. 630 s.

15. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. Gor'kij i sovetskie pisateli = Literary legacy. V. 70. Gorky and Soviet writers. Neizdannaja perepiska. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. 736 s.

16. Maksim Gor'kij i mirovaja kul'tura = Maxim Gorky and world culture : sbornik nauchnyh statej / pod red. L. A. Spiridonovoj. Moskva : IMLI RAN, 2023. 720 s.

17. Maksim Gor'kij – hudozhnik: problemy, itogi i perspektivy izuchenija: Gor'kovskie chtenija – 2000 = Maxim Gorky as an artist: problems, results and prospects of studying: Gorky Readings – 2000 : Materialy mezhdunarodnoj konferencii / In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN i dr. Nizhnij Novgorod : RIO NNGU, 2002.

18. Novyj mir = The New World. 1964, №10.

19. Russkaja literatura = Russian literature. 1973, № 2.

20. Masterskaja. Uroki literaturnogo masterstva = Workshop. Lessons in literary skills. Vyp. 2. Moskva : B. i., 1976. 160 s.

21. Mirskij D. S. Leonid Andreev = Leonid Andreev // *FJeB*. 1992.

22. Mirovoe znachenie M. Gor'kogo = The world significance of M. Gorky / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja // Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva. 28–30 marta 2018 g. Gor'kovskie Chtenija, IMLI, 2018.

23. Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986.

24. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and the modern time. Moskva : Sovremennik, 1978. 354 s.
25. Prishvin M. M. Dnevnik. 1940–1941 = Diaries. 1940–1941 / podgot. teksta Ja. Z. Grishin, A. V. Kiselev, L. A. Rjazanov; stat'ja, komment. Ja. Z. Grishin. Moskva : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 880 s.
26. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu = A letter to A.M. Remizov. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op.1.ed. hr.175. l. 11,12.
27. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij [v 8 tomah]. = Collected works [in 8 volumes]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.
28. Slovar' avtobiograficheskoj trilogii M. Gor'kogo = The Dictionary of M. Gorky's Autobiographical Trilogy : [v 6 vypuskah]. S pril. slovarja imen sobstvennyh: (Lichnye imena, geogr. nazvanija i zagl. literaturnyh proizvedenij) / sost. prof. A. V. Fedorov, doc. O. I. Fonjakova. Leningrad : Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 103 s.
29. Slovar' avtobiograficheskoj trilogii M. Gor'kogo = The Dictionary of M. Gorky's Autobiographical Trilogy / Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. Mezhdvedr. slovarnyj kabinet im. prof. B. A. Larina. Vyp. 6, t. 2 : Sobornyj – Jashhik. Leningrad : LGU, 1990. 344 s.
30. Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na rubezhe vekov = Gorky studies at the turn of the centuries. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>.
31. Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na sovremennom jetape razvitija = Gorky studies at the modern stage of development // Studia Litterarum. 2016. T. 1. № 3–4. Nauchnaja zhizn'. S. 419–433.
32. Lauer Reinhard. Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 29.04.2024; approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024